

О. П. Воронцова, И. С. Галкина, Топонимика Республики Марий Эл (историко-этимологический анализ), Йошкар-Ола, Издательство Марийского полиграфкомбината, 2002. 424 с.

В работе предлагается этимологическое объяснение более 8500 географических названий, включая и некоторые микропонимы. Как отмечено в аннотации, она «представляет собой первый опыт подробного историко-этимологического анализа географических названий Республики Марий Эл на основе использования полевых, архивных и исторических данных». Однако следует уточнить, что это не первый опыт историко-этимологического анализа топонимов Марий Эл. До него были изданы две книги И. С. Галкина (1985; 1991). В рецензируемой работе обобщены материалы предыдущих изданий без существенных изменений в интерпретации семантики и происхождения топонимов.

Так, *Чумбар* (офф. *Чумбари*), по мнению И. С. Галкина и О. П. Воронцовой, является сложным, отантропонимным ойконимом прозвищного характера, восходящим к заимствованному русскими из татарского языка слову *чумбари* 'широкие кожаные или холщевые шаровары', ср. тат. *чамбар*, *чымбар* то же (с. 356). Необходимо подчеркнуть, однако, что тюрк. *чамбар* в русских говорах Республики Марий Эл не обнаружено (Юналеева 1982 : 67). К тому же предложенная этимология остается неполной — лексические факты не соотнесены с реалиями жизни марийского народа. Археологические данные свидетельствуют, что до прихода марийцев у истока реки Малый Кундыш и по ее верхнему течению, где находится дер. Чумбар, обитали древние удмурты (Спицынь 1889 : 34). Как показывают другие источники, вся северо-восточная часть Марий Эл до появления марийцев была заселена удмуртами (Янтемир 1927а; 1927б; 1929).

Выяснению этимологии рассматриваемой лексемы помогают удмуртские топонимы: *Чумбэр*, *Чум бэр шу* — Увинский р-н Удмуртии (Кириллова 1992 : 139), *Чумберьяг* — Балезинский р-н (СГНУ 145), *Чумвырсик* — название леса

в Шарканском р-не (Атаманов 1988 : 148). Судя по структуре удмуртских топонимов, *Чумбар* является композитой, состоящей из *чум* и *бар*. Совр. удм. *чум* 'клеть, амбар (для одежды)' (УРС 479), причем в удмуртской топонимике зафиксированы еще два значения (возможно, более старые): 'шалаш; лесная (охотничья) избушка' (Атаманов 1988 : 148). И. Г. Добродомов слово *чум*, название переносного жилища у некоторых народов Северной Европы, Сибири, а также у русских, считает тунгусским (1982 : 87). Этимология *чум* позволяет достаточно определенно судить о том, что в мар. *Чумбар* оно является удмуртским наследием.

Вторая часть рассматриваемого ойконима сопоставима с удм. *выр* 'холм, возвышенность; пригорок', ср. комиЗ *вӧр* 'лес', восходящее к доперм. **жара*- 'лесистая возвышенность' (КЭСК 67). Г. Березки среди пермских слов, заимствованных диалектами марийского языка, называет и *varš* 'лес'. Исходя из близкой семантики, он относит его к коми источнику (Berezcki 1977 : 57—77). И. В. Тараканов замечает, что среди 18 слов, охарактеризованных как коми заимствования в марийском языке, имеются и удмуртские. Он приводит и мар. *varš* 'лес' < коми *вӧр* 'лес', удм. *выр* 'возвышенность, бугорок, холм' (1982 : 172). Интересно, что в марийском языке *варыш* фигурирует и как 'возвышенность, холм, бугорок': *Ошман, моканше варыш-влак йѳмбалне кугезе пѳнчѳ-влак гѳжлат* 'На замшелых песчаных холмах шумят древние сосны' (СлМЯ 187—188).

Появление *b* в ойкониме *Чумбар* связано с контактной прогрессивной ассимиляцией по способу образования, в позиции после *m* на месте лит. *β* в большинстве марийских диалектов выступает *b*: *katboza-š* 'упасть', *šembu-j* 'черноголовка (птица)', *tramba-j* < рус. *трамвай* и др. Устранение суффикса, входящего в основу, произошло, очевидно, при словосложении, а редуцированный *š*, оказавшись в абсолютном исходе слова, отпал.

Что касается семантики ойконима *Чумбар*, есть основания думать, что он обозначал охотничью избушку на лесистой возвышенности или избушку (лачугу, шалаш) на возвышенности, поросшей лесом. Ландшафт местности и географическое расположение деревни вполне оправдывают такое семантическое содержание.

Среди рассмотренных топонимов встречаются и искаженные наименования географических объектов. Так, в научный обиход введен сложный ойконим *Ружьял* — по мнению составителей словаря, неофициальное название русской дер. Тимофеево Верх-Ушнурской сельской администрации Советского р-на Республики Марий Эл. Этот ойконим ими расчленен на две части: *Руж* — гидроним и *ял* 'деревня' (с. 286). Однако неофициальным названием дер. Тимофеево является *Рушьял*, где *руш* 'русская' и *ял* 'деревня'. Деревня находится на правом берегу реки Малый Кундыш, а реки *Ружа* там нет и не было.

По мнению авторов, «ныне с. *Помары* и ст. *Помары* слились воедино и рассматриваются как один административный объект» (с. 272). На самом деле с. *Помары* как существовало отдельно, так и существует. Название станции фигурирует по традиции, а поселок, где находится станция, назван Приволжским.

Отдельные гидронимы в словаре расходятся с реально бытующими названиями. Под заглавным словом *Пижан* (офиц. *Пижанка*) указывается: «две речки: 1 — прав. пр. р. Олшы, 2 — прав. пр. р. Петъялки» (с. 264). Второй гидроним искажен, правильно — *Пинжанка*, исходная марийская форма — *Пӱнчан* (сосновая), не правый приток р. *Пёт* (мар. *Пӱт*), а левый.

Ойконим *Янгранур* (офиц. Янганур) расчленяется в словаре на две части: *Янгра* — собственное имя, *нур* 'поле, поляна'. Антропоним *Янгра* возводится к чув. *йанкӱра* 'звонкий, т.е. кричащий звонким голосом' (с. 407). Такое толкование не приемлемо, во-первых, потому что *янгра* восходит к апеллятиву *янгар*, ср. *янгарту*, *янгар кашка* 'старый, сгнивший валежник'. При топонимобразовании в нарицательном слове *янгар* произошла метатеза. Во-вторых, *янгар* является адъективным элементом, выступающим в функции препозитивного присубстантив-

ного определения, т.е. поле со сгнившими валежниками. Следовательно, в топониме *Янгранур* отмечена естественно-географическая особенность местности, т.е. нельзя отождествлять элемент *янгра* в топониме *Янгранур* с чув. *йанкӱра* 'звонкий, т.е. кричащий звонким голосом'.

Гидроним *Вергеца*, как полагают составители словаря, этимологически связан с речным названием *Верка*, по их мнению, словом финно-волжского происхождения. В качестве типологической лексико-семантической параллели приводятся фин. *virta* 'река, приток, течение', *virkeä* 'бодрый, живой, резвый' (с. 52). Однако реальные возможности этимологизации в данном случае состоят в поиске субстратных апеллятивов, лежащих в основе гидронимов. При этом нельзя упускать из виду пермский языковой субстрат, следы которого обнаруживаются во многих речных названиях как северо-западной, так и северо-восточной части Марий Эл. Очевидно, гидронимы *Вергеца*, *Вергиза* находятся в генетическом родстве с коми диалектными словами, например, удорское *вӱргӱс* 'ложбина, углубление' (Сорвачева, Безносикова 1990 : 124), среднесысольское *воргас* 'алны, *воргас* ны 'образоваться рытвинами, углублениями' (Колегова, Бараксанов 1980 : 79). Возможность такого сближения вполне вероятна по семантическим признакам. Наиболее выразительно при этом коми *ворга* 'русло, ложе', ср. ю *ворга* 'русло реки' (КРС 122). В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев отмечают его неясное происхождение и сомневаются, что оно имеет отношение к коми *вор* 'корыто'. К тому же ряду привлекается севернорусское архангельское *ворга* 'болотистая, кустарная лощина' (КЭСК 63). М. Фасмер, говоря о значении *ворга* 'топкий, заросший кустарником овраг, залив' и его диалектных вариантов, приходит к выводу, что коми слово восходит к русскому источнику (1986 : 351), что далеко не бесспорно, однако для окончательного вывода требуется исследование с привлечением диалектных данных финно-пермских языков.

Наиболее вероятным представляется объяснение семантики гидронима *Вергеца/Вергиза* как 'река, протекающая по заросшей кустарниками низинной боло-

тистой местности'. Правдоподобие его подтверждается и особенностями ландшафта Марий Эл. Долины Вергезы и Вергизы представляют собой широкую, часто заболоченную полосу.

Анализируя смысловое содержание ойконима *Чодра-полко*, О. П. Воронцова и И. С. Галкин склонны считать: «Апеллятив *чодра* < *чодыра* — часто встречается в составе марийских топонимов, означает 'лес', этимологически связан с монг. *чодура* 'черемуха', вошел в марийский язык через соседние тюркские языки со значением 'чаща, мелкий лес'» (с. 354). Необходимо, однако, подчеркнуть, что в монгольском языке черемуха обозначается лексемой *жимугусун*, в тувинском *чодураа*. Поэтому сближение мар. *чодыра* 'лес, лесной (-ая, -ое)' с искаженным монг. *чодура* вызывает возражения как в семантическом отношении, так и в фонетическом. Слово *чодыра* 'лес, лесной (-ая, -ое)' финно-угорское, восходит к **čotra*/**cotra*. Причем разрядка стечения согласных в середине слова произошла на марийской почве вследствие развития между ними *ɔ*. Озвончение глухого смычного *t* произошло в интервокальной позиции.

В словарной статье *Юл* (марийское название Волги) рассматривается и этимология гидронима *Волга*. Отмечая разные мнения о происхождении этого названия, О. П. Воронцова и И. С. Галкин придерживаются этимологии, предложенной Ф. И. Гордеевым, по мнению которого, оно генетически совместимо скорее с литов. *valkka* 'лужа', латыш. *valka*, *valks* 'ручей' (с. 399). Однако подобное объяснение основано на отождествлении разных по происхождению слов по чисто внешнему созвучию и не учитывает регионально-этнических и исторических регалий, а потому вызывает сомнения. Следует отметить, что в древности названия различных водных объектов часто обозначались просто 'вода, река'. Название Волги является палеогидронимом, восходящим к восточным ностратическим (алтайским, уральским) и палеоазиатским языкам, носители которых с доисторических времен в основу названий больших водных объектов вкладывали понятие 'река, вода' (Куклин 2000 : 287).

В отношении этимологий отдельных топонимов необходимо упомянуть разные точки зрения одного из составителей словаря об ойкониме *Шийсола* (офиц. Ромашкино). В своей ранней работе И. С. Галкин вслед за В. В. Кузнецовым объясняет его как 'серебряная деревня', отмечая, что *ший* 'серебро' часто употребляется для выражения прекрасного, доброго, белого, а русское название деревни якобы подсказывает, что она расположена близ прекрасных лугов с белыми ромашками (Галкин 1985 : 23). В последующих работах И. С. Галкин придерживается иной точки зрения. Он полагает, что элемент *ший* одного происхождения с нен. *сё* 'приток; река, вытекающая из озера' (Галкин 1991 : 134—136).

Составители словаря, ссылаясь на И. Г. Иванова, пишут, что в переписи 1762—1764 гг. по Арской дороге Казанского уезда отмечена марийская деревня *Ший*. Уместно заметить, что старожилы именуют ее *Сисола*. Мотив наименования не случаен, согласно устному сообщению Л. П. Грузова, уроженца этих мест, вблизи имеется протока *Сизе* (Куклин 1998 : 34). Причем топоним *си* — более древняя, а *ши* — позднейшая инновация, возникшая на почве марийского языка.

Спорны толкования семантики отдельных реликтовых топонимов. Так, в речном названии *Ронго* (офиц. *Ронга*) выделяется гидрооснова *рон* (*ронь*), которая сравнивается с коми *рунь* (*гынь*) 'тихо, лениво идти, брести'. Ауслаутный элемент гидронима *-га*, по мнению авторов, является гидроформантом. Исходя из этого, смысловое содержание гидронима они объясняют как 'тихая, медленно текущая река' (с. 285). Однако этот гидроним относится к ареально-лингвистическим изоглосам в области топонимии, ибо кроме Республики Марий Эл бытует и в других регионах России, например, название притока р. Ояти *Ронгу* (Ленинградская обл.). По мнению И. И. Муллонова, этот гидроним восходит к саам. *roççʷe*, *roççʷe* 'углубление', *joʷkk-roççʷe* 'русло реки' (1988 : 79). Следует отметить, что русло этого притока извилистое, слабо разветвленное; берега устойчивые, местами крутые.

Иногда смысловое содержание топонима объясняется неверно, потому что

составители вводят в научный обиход материалы других авторов без анализа их. Так, этимологизируя ойконим *Торъял*, они солидаризируются с мнением И. Г. Иванова и констатируют, что *Торъял* — 'деревня у чернолесья' (с. 327). Но слово северо-западного наречия марийского языка *тор* имеет значение 'чащоба, густая заросль', ср. *изи тор* 'небольшая чаща (заросль)', *кугу тор* 'большая чаща (густая заросль)', причем в словосочетаниях *тор* стоит после зависимого компонента, а в сложном *эныжстор* 'густая заросль малины' является постпозитивным компонентом.

М. Н. Янтемир, описывая Торъяльский кантон Маробласти, перечислил крупные, средние и малые реки, среди которых фигурирует *Тор*. Согласно М. Н. Янтемиру, на берегу р. Тор находится *Старый Торъял* (1929 : 8). Поэтому нетрудно убедиться, что ойконим является отгидронимным. Об этом же свидетельствуют названия других селений Торъяльского кантона, приведенные М. Н. Янтемиром: *Верхний Торъял*, *Кугу Торъял*, *Малый Торъял* (Янтемир 1929 : 74). Их значения толкуются следующим образом: *Верхний Торъял* 'верхняя деревня по реке Тор'; *Кугу Торъял* 'большая деревня по реке Тор'; *Малый Торъял* 'малая деревня по реке Тор'.

В этимологическом отношении, судя по семантике, лексема *тор* более совместима с коми *шор* 'ручей, ручеек, поток (после дождя, после обильного снеготаяния)', а по фонетическому облику — с манс. *tōr* 'озеро'. В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев, учитывая венг. *ér* 'ручей', более древний облик реконструируют в виде **šärz-* или *šärz-* (КЭСК 322). Это говорит о том, что анлаутный смычный *t* в гидроексеме *тор* является позднейшей инновацией, возникшей, очевидно, из первичного спиранта **š* на мансийской почве (см. также Серебренников 1965 : 281; 1968 : 296—301). Э. М. Мурзаев отмечает в этой связи, что термин *то*, *тор* 'озеро' обычен в составе географических названий на севере Европейской части России, в Сибири и в Поволжье (1974 : 111—113).

Гидроексема *тор* в диалектах обско-угорских языков имеет и другие значения. Так, в иртышском диалекте хантыйского языка *tōr* 'низменная местность, луг,

болото' (Чайко 1976 : 123). В русских говорах по р. Тавде Г. В. Глинских засвидетельствовал мансийское речное название *Волентор* 'плёсовое озеро' (*вол* 'плёс', *-эн* ~ *-ин* — суффикс обладания, *-тор* ~ *-тур* 'озеро'). Согласно его мнению, «название речки — результат метонимического переноса; первичным следует признать наименование озера» (1978 : 118).

Изложенная этимология позволяет судить о том, что *Тор* 'река' является субстратной гидроексемой, претерпевшей значительную трансформацию на адстратно-суперстратной почве. А потому *Торъял* — деревня по реке *Тор*. Ойконимы, образованные по модели: гидроним + тип селения, относятся к продуктивным типам топонимизации в Марий Эл. Примеры: *Изи Руясола* (Советский р-н) — малая деревня по р. *Руя*; *Лажъял* (Сернурский р-н) — деревня по р. *Лаж*; *Нужъял* (Медведевский р-н) — деревня по р. *Нужа*; *Мушкыял* (Сернурский р-н) — деревня по р. *Мушка*; *Пётъял* (офиц. Петъял) (Волжский р-н) — деревня по р. *Пёт*; *Шокишемсола* (Сернурский р-н) — селение или деревня по р. *Шокишем*; *Шуарсола* (Советский р-н) — селение или деревня по р. *Шуар*; *Шүдысола* (офиц. Шудасола) (Советский р-н) — деревня по р. *Шуда*; *Шындёрйял* (офиц. Шиндырьял) (Горномарийский р-н) — деревня по р. *Шындёр* (офиц. Сундырь).

Заслуживает внимания этимология речного названия *Турью* (офиц. *Турья*). По данным лингвистической географии, этот гидроним встречается как в Среднем Поволжье, так и в других регионах России, например, реки *Турья*, *Турья* — левый приток р. Оки (Смолицкая 1976 : 27); *Турья* — левый приток Оки между ее притоками Нара и Лопасня (Смолицкая 1976 : 98); дер. *Турья* (на р. *Турья* — по правой стороне Московского почтового тракта, через г. Козьмодемьянск (ВГ 1876 754), речка *Турья* — Пинежский р-н Архангельской обл. (Симица 1962 : 96), р. *Тура* — приток р. Ингоды, ниже пос. Карымский, в Бурятии (Мельхеев 1969 : 22).

Рассматривая ойконимы Республики Коми *Турья*, *Турьяыб*, В. И. Лыткин трактует лексему *Турья* как исконное коми слово и реконструирует для него значение 'шумливая' (Лыткин 1979 : 76).

А. И. Туркин склоняется к мысли, что *турья* как нарицательное слово означает 'северный лапландец, саам' (1986 : 115). При этом он, видимо, не обратил внимания на связь гидронима *Турья* с идентичными названиями рек Среднего Поволжья и горных районов Северного Урала к югу от Ивделя, а также Среднего Урала, например, р. *Турья*, западнее городов Краснотурьинска и Карпинска (Матвеев 1982 : 57). Представляется целесообразным искать решение исключительно на мансийском языковом материале, подтверждение чему находим у А. К. Матвеева, по мнению которого, *Турья* 'озерная река' (1982 : 57—58). Такое же объяснение предлагает географ Э. М. Мурзаев (1970 : 25).

Первоисточником марийских названий *Турья* следует считать обско-угорские языки, где следы этой лексемы обнаруживаются в мансийских топонимах Среднего Урала, ср. манс. *tūr* 'озеро' + *jā* 'река' (Кузакова 1994 : 85, 99, 135, 145). В качестве передаточного звена выступали, видимо, диалекты пермских языков, в частности, удмуртского. Целесообразно упомянуть, что М. Г. Атаманов одинаковые названия реки и селения *Турья* (Килемарский р-н Марий Эл) возводит к воршудно-родовому имени удмуртов (*тур* 'тетерев' + *-я* — аффикс) (1988 : 87). С. К. Бушмакин лексему *Турья* производит от *тури*, *тур* 'тетерев; журавль' и предполагает, что данный тип воршудных имен-этнонимов является тотемным, а по времени относится к матриархату (1970 : 174). Однако версия о воршудно-родовом происхождении гидронима *Турья* представляется неверной. Можно допустить, что удмуртский микроэтноним *турья* является отгидронимным, а гидроним — субстратным.

Речное название *Шугар* с вариантами *Шегар*, *Шугар*, *Шагар* относится к ареально-лингвистическим изоглоссам в гидронимиконе России. Его двойник встречается в центральной части Обь-Иртышского междуречья Западной Сибири (*Шегарка*, р., левый приток р. Обь). Этимологически он, видимо, связан с названием *Шагарка*, левого притока р. Миндяк в Башкортостане (Гареев 2001 : 217).

И. А. Воробьева, анализируя гипотезы о происхождении и семантике гидронима

Шегарка, пишет: «Э. Г. Беккер объясняет это название из селькупского *ше: га* — 'черный', однако она ничего не говорит о появлении звука (*р*). На некоторых картах XVIII века ее называют *Шегань*, а Г. Ф. Миллер — *Шагарой*, поэтому данный топоним нуждается в дальнейшей этимологизации» (Воробьева 1973 : 141).

Интерпретируя происхождение и смысловое содержание географического названия *Сиянур корем* (Медведевский р-н Марий Эл), О. П. Воронцова и И. С. Галкин отмечают: «Ороним состоит из сложного отантропонимного ойконима и апеллятива *корем* 'овраг', о чем свидетельствует его официальный вариант (офиц. Сиянурский овраг — А. К.). Ойконим *Сиянур* состоит из двух слов: *Сия* — личное имя владельца географического объекта + *нур* 'поле', т.е. 'Поле Сия'. Антропоним *Сия* от чув. *сийё* 'угощение'» (с. 304). Нельзя не отметить, что 'угощение' в чувашском языке обозначается *сйй*.

Сиянур — не ойконим, а субстратный гидроним, состоящий из трех разноязычных элементов: *си* + *я* + *нур*, где *си* 'река, речка' — субстратный апеллятив уральского происхождения, ср. нен. *сё* 'проток, протока; река, вытекающая из озера', кет. (сымский диалект) *си:с* 'река' (Куклин 1998 : 37), *я* 'река, речка' — субстратный апеллятив обско-угорского происхождения, ср. манс. *я* 'река', *нур* 'болото, топь' — субстратный апеллятив пермского происхождения, ср. удм. *нур* 'болото, топь'. Сложение основ было процессом одновременным. Лексема *корем*, кроме значения 'овраг', в диалектах марийского языка имеет семантическое содержание 'река'. Следовательно, *Сиянур корем* 'заболоченная река Сия'.

О. П. Воронцова и И. С. Галкин первый компонент составного микротопонима *Идалмаш арка* (возвышенность в Красноярской сельской администрации Звениговского р-на) считают дохристианским собственным именем марийцев, восходящим к тюрк. *Италмас*, которое, по их мнению, состоит из двух основ: *ит* 'собака' + *алмас* 'не возьмет'. О происхождении же лексемы *арка* нет ни слова (с. 74). Однако это название является субстратным оронимом: *Идалмаш* < удм. *италмас* 'купальница европейская'. Лек-

сема *арка* в диалектах удмуртского языка имеет два значения: 1) 'хребет (верхняя часть холма); цепь (гор)'; 2) роща, кустарник, кусты' (УРС 32). Исходя из этого, смысловое содержание оронима *Идалмаш арка* можно объяснить как 'хребет, где растет купальница'. Такая трактовка противоречит особенностям купальницы, которая не встречается на возвышенностях, а растет на сырых лугах, лесных полянах и в зарослях кустарников. Следовательно, *Идалмаш арка* 'подножие холма, где растет купальница'. Более приемлемо второе значение удм. *арка* — 'роща'. Да и смысл неплохой: 'роща, где растет купальница'. Правдоподобие такого объяснения подтверждается и физико-географическими реалиями местности.

В лимнониме *Йоксер*, образованном из двух марийских слов: *йокс* < *ййксö* 'лебедь' + *ер* 'озеро' = 'лебединое озеро', по мнению О. П. Воронцовой и И. С. Галкина, «произошел переход гласного *й* через *ø* (в марийском языке такой графемой не обозначается ни один гласный звук — А. К.) в *ö*, а затем — выпадение конечного гласного *o* в процессе слияния слова *ййксö* 'лебедь' с апеллятивом *ер* 'озеро'» (с. 95—96). Но веяризация с одновременным расширением переднерядного *й* произошла вследствие выпадения гласного *ö* при словосложении из-за нейтрализации артикуляционной аттракции для облегчения произношения, что привело к созданию двух образований, сближающихся по одному артикуляционному признаку, ср. *o* — заднерядный гласный, а *k* — заднеязычный согласный.

Характеризуя ойконим *Изиван*, авторы отмечают, что для марийского языка в середине слова между гласными согласный *r* не характерен (с. 76). Однако есть немало слов, в которых глухой смычный *r* выступает в интервокальной позиции, например: *ани-тупи* 'так себе, бестолково, кое-как', *йытар* (зооним) 'выхухоль', *йыпыр* 'совсем, совершенно', *копараш* 'драть, сдирать, снимать что-либо с чего-либо', *купан кундем* 'болотистая местность', *Опак Микита* (антропоним) и др.

Анализируя фонетический облик антропонима *Овас*, авторы отмечают, что он воспринят из татарского языка, ср. тат. *Аббас* < араб. *Abbas* — имя пророка. В ма-

рийском варианте, по их мнению, произошел переход *a* в *o*, ср. *Андрей* — *Ондрей* (но этот антропоним был воспринят марийским языком из местных окающих русских говоров без фонетической адаптации — А. К.), и сокращение *bb* < *b* с переходом в *v*, так как марийскому языку согласный *b* не был свойствен (с. 83). О сокращении долготы *b* не может быть и речи. В иноязычных словах билабиальный смычный *b* на марийской почве регулярно субституировался фрикативным звонким *v*. Эта закономерность прослеживается как в древних тюркизмах, так и в старорусизмах. Не исключено, что антропоним *Овас* мог быть воспринят из окающего диалекта болгарского языка, ср. *Опач/Упач* < *Упа* 'медведь' + *-çä*, а также русифицированную фамилию *Убасев* (Федотов 1998 : 126). Озвончение интервокального *r* произошло с одновременной утратой смычки под действием ауслаутного палатального *š* с последующим его отвердением на марийской языковой почве.

Классическим является пример, относящийся к сегментному оформлению слова, где, судя по описанию, произошла лабиализация лабиальных же гласных. Суть, по мнению О. П. Воронцовой и И. С. Галкина, заключается в следующем: «В марийском варианте *Шүдöмарий* (ср. офиц. Шудомари — А. К.) произошло передвижение по ряду *y* > *й* и вследствие чего, по закону лабиальной гармонии, конечный безударный гласный лабиализовался: *шудо* > *шйдö* и в народной этимологии название получило переосмысление, стало переводиться как 'Сто марийцев'» (с. 142). Однако в данном случае нельзя говорить об уподоблении гласных. Дело в том, что гидролексема *шудо*, утратив древние этимологические связи, стала непонятной для носителей марийского языка и под воздействием народной этимологии заменилась созвучным *шйдö* 'сто'.

Антропоним *Окаш*, по мнению авторов, является модифицированной формой русского имени *Акаш(a)*, т.е. на марийской языковой почве произошло огубление начального *a* > *o* (с. 240). Однако о лабиализации широкого гласного *a* не может идти речь, поскольку антропоним был воспринят из окающих местных русских

говоров, ср. варианты: *Акакий*, разг. *Акадий*, *Ака́тий*, *Ока́кий*, *Ока́тий*, *Ока́т*, *Ака́т* — из греческого *акакос* 'не делающий зла, неплохой' (Суперанская 2004 : 103).

Топооснова *Туш*- субстратного гидронима *Тушина* в словаре сравнивается с хант. *тух* 'озеро', переход *χ* в *š* произошел якобы на марийской почве (с. 332). Однако для марийского языка не характерен переход заднеязычного фрикативного *χ* в переднеязычный фрикативный *š*. В заимствованных словах лугового наречия он либо субституировался заднеязычным смычным *k* (*сакыр* < рус. *сахар*, *калык* < чув. *халӓх*), либо вовсе не произносился: *уна* 'гость' < чув. *хӓна*, *ола* 'город' < чув. *хола*. Лишь в горном наречии марийского языка в большинстве случаев он оставался без изменения, ср. указанные чувашизмы горного наречия: *халык*, *хына*, *хала*. Следовательно, объяснение гидронима *Тушина* на материале хантыйского языка ошибочно.

Рассматривая ойконим *Шопкерля* < *Шопкерла*, авторы подчеркивают, что «конечный гласный фитонима *-е* при присоединении суффикса *-ер* выпал, согласный *-л* в суффиксе *-ла* смягчился в данном диалекте» (о каком диалекте речь идет? (с. 376—377). Здесь проявляются специфические законы морфонологии: начальный гласный суффикса «налагается» на материально тождественный ему сегмент корня. Поэтому говорить о диерезе конечного гласного фитонима не приходится.

Этимология гидронима *Косер* объясняется с помощью таких слов, как удм. *ӧр* 'ручей, русло', венг. *эр* 'речка' (с. 131). Однако венг. *эр* имеет значение 'целый'. Река по-венгерски — *folyó*; речка — *kis folyó*, *folyócska*; *patak*. Удм. *ӧр* на русский язык переводится как 'русло, ложе (реки)' (УРС 326). К этому же корню со значением 'жила' следует отнести и венг. *эг*. Кроме того, венг. *эр* (см. гидроним *Ӧрша*, с. 253) наполнено смысловым содержанием 'ручей, ручеек', что соответствует действительности (MOSZ 604). Венг. *эр* 'речка' приводится также в качестве лексико-семантической параллели гидроформанта *-р* в речном названии *Томшар* (с. 322).

В этимологическом плане комиЗ *тум* 'дуб' сопоставляется с препозитивным компонентом гидронима-композицы *Тумью* (офиц. *Тумья*) (с. 22). Однако в коми-зырянском языке нет лексемы *тум*, дуб именуется как *тупу*, который генетически связан с удм. *тыты* 'дуб'.

Рецензируемая работа представляет собой ценное собрание марийских топонимов и материал для размышлений. Она может быть с успехом использована в дальнейшем исследовании топонимов Марий Эл и соседних регионов.

Address:
Anatolij Kuklin
Mari State Pedagogical University
E-mail: markaf@mgpi.mari.ru
Phone: +8362 455645

Сокращения

ВГ — Вятская губерния. Список населенных мѣсть по свѣдѣнїямъ 1859—1873 годовъ, Санкт-Петербургъ 1876; **КРС** — Д. А. Тимусев, Н. А. Колегова, Коми-русский словарь, Москва 1961; **СГНУ** — Словарь географических названий Удмуртской АССР, Москва 1980;

СлМЯ — Словарь марийского языка I. А—З, Йошкар-Ола 1990; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **MOSZ** — L. Hadrovics, L. Gáldi, Magyarorsz szótár, I kötet, Budapest 1986; **SVS** — Suomalais-venäläinen sanakirja, Moskova 1977.

ЛИТЕРАТУРА

Атаманов М. Г. 1988, Удмуртская ономастика, Ижевск.
Бушмакин С. К. 1970, Воршудные имена — микроэтнонимы уд-

муртов. — Этнонимы, Москва, 168—176.
Воробьева И. А. 1973, Язык земли. О местных географических

- названиях Западной Сибири, Новосибирск.
- Галкин И. С. 1985, Тайны марийской топонимики, Йошкар-Ола.
- 1991, Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края, Йошкар-Ола.
- Гареев А. М. 2001, Реки и озера Башкортостана, Уфа.
- Глинских Г. В. 1978, Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде. — Этимология русских диалектных слов, Свердловск, 109—179.
- Добродомов И. Г. 1982, О тунгусских словах в русском языке и его говорах. — Диалектная лексика 1979, Ленинград, 83—90.
- Иванов И. Г. 1978, Топонимические этюды (о названиях некоторых райцентров Марийской АССР). — Вопросы марийской ономастики, вып. 1, Йошкар-Ола, 12—19.
- Кирilloва Л. Е. 1992, Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении), Ижевск.
- Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. 1980, Среднесысольский диалект коми языка, Москва.
- Кузакова Е. А. 1994, Словарь манси (Восточный диалект), Москва.
- Ку克林 А. Н. 1998, Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ), Йошкар-Ола.
- 2000, Современная топонимика: достижения, поиски, перспективы (Modern toponomastics: achievements, problems, perspectives). — Юбилейный збірник на честь 70-річчя від дня народження професора Петра Лизанця, Ужгород, 284—289.
- Лыткин В. И. 1979, Этимология из пермских языков. — Вопросы финно-угроведения. Языковедение. Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов, Сыктывкар, 76.
- Матвеев А. К. 1982, К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии. — Ономастика Европейского Севера СССР, Мурманск, 49—58.
- Мельхеев М. Н. 1969, Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий, Улан-Удэ.
- Муллонен И. И. 1988, Гидронимия бассейна реки Ояти, Петрозаводск.
- Мурзаев Э. М. 1970, Местные географические термины и их роль в топонимии. — Вопросы географии. Научный сборник Московского филиала Географического общества Союза ССР 81, Москва, 16—35.
- Серебрянников Б. А. 1965, О двух конвергентных фонетических явлениях в самодийских и обско-угорских языках. — СФУ I, 281—284.
- 1968, Об уральской лексике восточного ареала. — Этимология 1966, Москва, 296—301.
- Симина Г. Я. 1962, Дославянская топонимия Пинежья. — Вопросы географии. Научный сборник Московского филиала Географического общества. 58. Географические названия, Москва, 85—89.
- Смолицкая Г. П. 1976, Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер), Москва.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. 1990, Удорский диалект коми языка, Москва.
- Спицын А. А. 1893, Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. — Материалы по археологии восточных губерний России, т. I, Москва.
- Суперанская А. В. 2004, Словарь русских личных имен, Москва (Библиотека словарей).
- Тараканов И. В. 1982, Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка. — Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск, 145—175.
- Туркин А. И. 1986, Топонимический словарь Коми АССР, Сыктывкар.
- Фасмер М. 1986, Этимологический словарь русского языка, т. I, Москва.
- Федотов М. Р. 1998, Словарь чувашских нехристианских личных имен, Чебоксары.
- Чайко Т. Н. 1976, Заимствованные географические термины в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша. — Вопросы ономастики. Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой, вып. 11, Свердловск, 117—128.

- Ю н а л е в а Р. А. 1982, Опыт исследования заимствований (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками), Казань.
- Я н т е м и р М. Н. 1927а, Оршанский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). (Описание Маробласти, вып. 6), Краснококшайск.
- 1927б, Сернурский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). (Описание Маробласти, вып. 7), Краснококшайск.
- 1929, Торъяльский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). (Описание Маробласти, вып. 8), Йошкар-Ола.
- В е р е с з к и, G. 1977, Permi-cseremisiz lexikális kölcsönzések. — NyK 79, 57—77.
- АНАТОЛИЙ КУКЛИН* (Йошкар-Ола)